

100Рожева

ПАЛАТА

№ 69

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

#Качественная_эротическая_литература_для_
УМНЫХ ШАЛУНОВ

100 Рожева
Палата № 69

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рожева 1.

Палата № 69 / 1. Рожева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

«Палата № 69» – двухкочная книжка на больнично-эротическую тему. Возможно, Антон Палыч крутанётся согласно схемам Камасутры, а читателя потянет рукоблудить, хихикая в одноразовую маску. Возможно, наоборот. Двухпальное пространство поощряет непредсказуемость... И пусть все будут здоровы! Время чтения – пять минут с выражением, и сколько влезет – с выражениями... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Палата № 69	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

100 Рожева Палата № 69

Палата № 69

Зулейха открыла глаза, потянула гармошку носка и клюнула пальцем телефон. Восточная песня пьяной славянской мухой задрогалась по палате. Женщина замычала мелодию всем небольшим, уместившимся в узорчатом жилете телом, но, не удержав музыкальное произведение внутри, принялась тоненько подпевать: «Овозингди согиндим. Келди дарду алам келди. Келди дарду алам келди...» Заводной фольклор потребовал движения. Певица подтянула оба носка, разгладила юбку, потанцевала плечами, поправила одеяло на больном, у кровати которого сидела.

Это был очень большой и очень белый мужчина с закрытыми глазами и отёчным лицом. В рыхлом постельном тесте он напоминал узбекский пельмень чучвару. Зулейха его так про себя и звала. Ей платили за уход и чтение вслух. Зачем читать почти мёртвому – не её дело. Платили хорошо. Больше чем фитнесе, где она тёрла зеркала и таскала гантели. А здесь – сиди себе. В палате тихо, чучвара спит, волоса на пол не уронит. Несколько раз в неделю приезжает жена. Проверять. Но Зулейха не обманывает. Выносит утки, моет, читает каждый час. Вдруг камера или вдруг чучвара всё слышит? Иногда, кажется, что он пытается наморщить лоб. Зулейха даже отсаживается со своей луковой лепёшкой и чтением. Боится, что спящий оживёт и начнет ругаться грубым голосом. Какой же ещё голос должен быть у мужчины, носки на которого она натягивает двумя руками изо всех сил! Но он ни разу даже не шевельнулся.

Читает Зулейха хорошо. Если чего-то не знает, перечитывает по-разному, пока ей не покажется правильным. Работой дорожит.

Танцую плечами, она допела припев: «Согиндим азизим сузларингди. Согиндим сухба-тингди. Овозингди согиндим. Келди дарду алам келди...», что означало «скучаю, дорогой, по словам твоим, скучаю по голосу твоему, вернись из тайны», со вздохом остановила песню и взяла листы с текстом.

– Страница тридцать четыре! – громко объявила она и продолжила, как всегда старательно выговаривая слова: «Протяжный хриловатый гудок паровоза разбудил Савву. Колёса все еще пытались убаюкивать убаюкивать мерным перестуком: «Поспи ещё... поспи ещё...», но солнечный луч, прорвавшись через узкую щель между занавесками вагонного окна, ласково щекотал веки. Утро... – блаженно улыбнулся он и, приподнявшись, отодвинул занавеску. Проснувшееся солнце перекачивалось вслед за поездом по кружевной кромке леса, заливая деревья розовым светом. Проталины проталины на снегу сонно зевали черными ртами, как птенцы, навстречу теплу солнечных лучей. Кусты вдоль дороги, присыпанные белой пылью раннего утра, бежали навстречу поезду. Нахохлившиеся вороны, зябко поёживаясь от утреннего ветерка, хмуро сидели на голых ветках деревьев. Сколько раз за последний год он по делам ездил в северную столицу? Не счесть. Но ему нравились эти поездки. Санкт-Петербург и Москва. Две столицы. Такие разные, как «да» и «нет». Которую из них он любил больше? Трудно ответить. Это как с женщинами. Нравится одна, а женишься на другой. Какая-то мистика мистика здесь присут... присут... сто... тво... вала... присутствовала...»

– Ну-ка, ну-ка, посмотрим в динамике, – проговорил вбежавший в палату доктор. От него не отставала дама, оснащённая по последнему слову техники соблазнения, не считая синюшных бахил.

– А я говорила, он реагирует! – выпалила она, словно продолжая спор, и приказала сиделке: – Читай!

Та растерянно закрутила головой.

– Да с любого места! – прикрикнула дама.

Зулейха забегала глазами по строчкам, прочла срывающимся голосом: «Кусты вдоль дороги, присыпанные белой пылью раннего утра, бежали навстречу поезду. Нахохлившиеся вороны, зябко поёживаясь от утреннего ветерка, хмуро сидели на голых ветках деревьев...», подняла испуганные глаза на даму и доктора.

– Ещё читать?

Веки больного чуть дрогнули, между бровями наметилась розовеющая возвышенность, но титанические усилия нахмуриться привели лишь к едва заметному тектоническому сдвигу лицевой коры.

– Интересно, как удастся хмуро сидеть, – пробурчал доктор и довольно констатировал: – Хорошо! Очень хорошо! Думаю, можно продолжить!

– Сергей Николаевич, извиняюсь за вторжение, а массаж мне назначат? – спросила из приоткрытой двери улыбающаяся мужская голова под бодрым ёршиком.

– Порку тебе назначат, Артамонов, и клизму со скипидаром! Я что тебе сказал делать? Оформляться и ждать меня, а не скакать по больнице!

– Понял, не дурак! Есть оформляться и ждать! Приветствую прекрасных дам, удаляюсь! – промурлыкала голова, но не исчезла, а расплющив щеку о косяк, повисла подглядывать.

– А ну-ка, поди сюда, герой, – повернулся к ней доктор.

Появившийся целиком «больной» был наголову выше и вдвое шире доктора, но шутовски подскочил, прихрамывая:

– Я воль, мой фюрер!

– Отставить паясничать! – строго сказал доктор. – Значит так, Артамонов. Твоё место будет здесь. Занимай свободную койку. В бумагах я отмечу. Будем использовать твоё неумное словоблудие в терапевтических целях. Твоя задача – как можно больше разговаривать вот с этим пациентом. Зовут его Виктор Кривобоков. Это его супруга Елена. Познакомьтесь.

– Елена Эдуардовна, – поправила супруга, поддув и без того отлично надутые губы.

– Да. Заболевание у него не заразное, но тяжёлое, – пояснил врач. – Так называемый «синдром запертого человека». Двигаться он не может, но, надеюсь, слышит и понимает. Степень его вовлеченности так сказать в реальность мы и пытаемся оценить. Общение для него сейчас – лучшая терапия. За это будет тебе массаж и какава с чаем.

– Опа! Вот это поворот! Мои ставки растут! – подпрыгнул на здоровой ноге Артамонов. – А этот запертый какие-то конкретные темы предпочитает? Проблемы российского спорта? Тупиковый путь Украины? Особенности трансмиссии тракторов на колёсном ходу? Маленький человек в произведениях больших писателей? Или большой у маленьких? Может, что-то об устройстве запирающих устройств? Я готов! Только намекните! Но как мы будем поддерживать диалог? Аплодисментов, понятно, не будет. Выпить физраствора на брудершафт тоже не получится. Он хоть ухом поведёт, если анекдот смешной?

– Значит так, Артамонов, – нахмурился Сергей Николаевич. – Дело тебе серьёзное доверяю. Хохмить в гараже своём будешь. Я тебя подключаю к лечебному процессу! Выбор тем – произвольный. Человек в произведениях писателей, кстати, неплохо. Виктор у нас писатель. Реакция на чтение его неоконченного романа – положительная. Вот Зулейха нам помогает, читает вслух, познакомься тоже, кстати. Нужно посмотреть, на и что и как он будет ещё реагировать. Так что, ты теперь член команды. Чтобы ты осознал всю ответственность, объясняю научно: симптомокомплекс при синдроме «запертого человека» характеризуется полной обездвиженностью пациента и отсутствием нормальной реакции на любые внешние воздействия, включая речь. Происходит такое нарушение в результате обширных поражений кортико-спинальных и кортико-нуклеарных путей. Возникает тетрапарез, анартрия и псевдобульбарный синдром. Надъядерные волокна, иннервирующие глазодвигательную мускулатуру, при этом не

затрагиваются. То есть, человек может двигать глазами и мигать. Ретикулярная формация также не повреждается, а это значит, что дефекты сознания отсутствуют. Пациенты способны адекватно отвечать на просьбу миганием и движениями глаз в вертикальной плоскости. В зависимости от степени сохранения произвольных движений выделяют три варианта этого синдрома: полный или тотальный – обездвиженность, отсутствие мигания; классический – полная обездвиженность с сохранением мигания и движений глаз и неполный, при котором сохраняются некоторые движения. Нам нужно точнее понять, какой случай у нас...

Сергей Николаевич договаривал уже на ходу в вибрирующий телефон: «Иду, иду уже!»

Елена Эдуардовна, перекрыв ухоженным телом выход, зашипела:

– Сергей Николаевич! Мы же с вами договаривались! Двухместная палата на мужа и сиделку! Вы нарушаете договорённости!

– Для сиделки поставим стул. Пусть сидит. Больничная койка – для пациентов. Нарушаю ради вашей же пользы. Надеюсь на положительную динамику. Извините, Елена, у меня дела.

Елена Эдуардовна задержалась в дверях.

– Зуля! Ты продолжаешь читать! А с вами, – она выстрелила в больного Артамонова из указательного пальца, – мы ещё разберёмся!

Хлопнувшая дверь палаты заставила вздрогнуть всех, кроме писателя Кривобокова. Артамонов сунул руку в ладошку сиделке:

– Санёк. Будем знакомы! Ты узбечка? Я узбеков люблю! Отличные ребята! А имя у тебя вроде татарское. Татары тоже хорошие ребята! У меня друг татарин, классный мужик!

– Папа назвал. Он в Казани долго работал, – закивала Зуля.

Артамонов присел на край писательской постели, потрогал «запертого» за ногу.

– Чё, правда всё слышит?

– Я не знаю, – пожал плечами Зуля. – Лена Эдуардовна велела читать ему роман. Он роман писал и в аварию попал. Она говорит, что он всё слышит и понимает и так быстрее поправится.

– Такое духоподъемное произведение? А ну, почитай, я тоже хочу послушать!

Зулейха взяла на колени листы и стала читать:

– «Пароход качнуло, когда он прикрывал дверь своей каюты. Положив трость на комод, молодой человек взглянул в иллю. ... иллюми минАтор. За стеклом поплыли огни убегающего берега, когда он стягивал перчатки. Это давалось с трудом. По последней моде они туго облегли ладони. Подойдя к столу, он сел и зажёл свечи в канде..канделябрЕ. Их мерцающий свет гипно..тически действовал на него, и он опять начинал растворяться в своих воспоминаниях. На столе стоял саквОяж. Руки машинально потянулись к нему и извлЕкли толстую тетрадь, переплетённую в коричневую кожу. Длинные пальцы с ухоженными ногтями перелистывали страницы, пока не добрались до чистых страниц. Это был его дневник. Как часто он спасал его, когда, не имея привычки делиться переживаниями с другими, вписывал в него свою душу...»

– Вот его душу мать! Подойдя к столу, он сел! КанделябрЯ полная! Руки машинально извлЕкли! Умора! Это я еще на Петросяне со Степаненкой сэкономлю! Не потрахаюсь, так поржу! А может, еще и потрахаюсь, чем Кривобоков не шутит! – захохотал Артамонов и в прихрамывающем грузинском танце прошёлся по палате: – Вот свезло мне! Ай, свезло! Асса!

Зулейха, бросив чтение, испуганно наблюдала за буйным соседом, который, сделав круг, снова навис над Кривобоковым.

– Ну, и чего? Как он? Оживает?

Напряжение явственно читалось на бледном лице слушателя. Веки были напряжены, словно он терпел давнюю боль, к которой почти привык.

– По-моему, он хочет в туалет. По очень большому и очень давно! – вынес вердикт Артамонов.

– Да, да, шас шас! – засуетилась Зуля, доставая из-под кровати утку.

– Так, я за вещами! – брезгливо сморщившись, выскочил из палаты Артамонов.

Зуля едва закончила гигиенические процедуры, когда новый сосед ввалился с хохотом, сумками и стулом.

– Это шестьдесят девятая палата, прикинь! Номер у нее такой! Аха-ха! Тебе не смешно, Зуль? А ему? Ему стопудов смешно. Тот ещё ходок был. Когда ходил. Не под себя, а налево! – Артамонов затряс хохотом стул. – Я тебе креселко приволок, присаживайся.

Он приткнул пластиковый стул в ногах писательской недвижимости. Зуля в нём тут же угнездилась, а Артамонов завалился поверх одеяла на своё новое койко-место, но сразу сел: – Не, так я его не вижу. Надо шестьдесят девять. Мы ж в какой палате! – Он перелег наоборот, проверил обзор, растянулся, с кряканьем пошевелил пальцами ног в носках «найк».

– Какой же кайф, Зуленька! Ты себе не представляешь! Носишься, носишься как раненая в жопу рысь, одно заткнешь, другое валится. И тут вдруг бах-бабах! Авария, перелом со смещением, больничка, операция, другая больничка. Кажется, ну всё, жизнь кончилась, пришёл пиздец! А, оказывается, у всего этого есть и другая, наименее приятная сторона. Лежу, тепло, светло, питание трехразовое, постель чистая, девушки вокруг красивые, а ежели куда позовут, я и на одной ноге допрыгаю. Да еще и шоу-программа, анимация, так сказать, неожиданно-негаданно нарисовалась! Лафа, а не жизнь!

Зуля, на всякий случай, скривив улыбку, помяла в руках листы с романом.

– Да отдохни ты от читки своей. Меня самого распирает на истории! У меня ж, можно сказать, в мирной жизни рот не закрывается, в хорошем смысле, а тут молчу второй день. А привычка – вторая натура. Знаешь такое выражение? Я обычно за день так наговариваюсь, что к вечеру еле языком ворочаю. Полностью морально истощён, будто не в гараже с техникой ковыряюсь, а научные консилиумы провожу. За день ко мне человек пять зайдёт и с каждым по часу бурных дебатов. Я как тот чистильщик обуви из дебильных комедий с Лесли Нильсеном, когда он был полицейским и в самых тупиковых ситуациях обращался за консультацией к чистильщику обуви, который знал про дела всех мафий, все нюансы личной жизни всех, от бандитов до политиков. Так к нему в очередь стояли люди не для чистки ботинок, а для консультации. За следователем Нильсеном была многодетная мать с семейной консультацией, следующий был сексуальный маньяк с вопросами по психологии, потом какой-то инженер со своими чертежами космических ракет и т.п. И все они уходили удовлетворённые исчерпывающей консультацией гуталинщика.

Зулейха выдавила страховочную улыбку.

– Подожди, сейчас улыбнёшься шире! – напугал Артамонов. – Вот тебе, к примеру, мой последний, то есть крайний, день на работе. Слушай!

С утра зашёл сосед, Сигизмундыч. Зовут его Андрюха, фамилию никто не помнит, какая-то еврейская, поэтому и кличка такая. Ему сорок пять, первые трудовые свои пять-семь лет он проработал мясником на рынке, потом, в девяностых, заключал фиктивные браки в какой-то мудроватой схеме отжимания квартир, для тех времен простых решений всех проблем по-Сталински: «нет человека – нет проблемы». Он вовремя улизнул из лап правосудия и почти улизнул от лап мафии, отдав всего лишь две свои квартиры, а третью продал и деньги вложил в авто бизнес, открыл у нас в гаражах ремонт субариков. Жил у жены, родили они дочку, но вот оказия, жена ушла к другому, а его выгнала на улицу. Он снял жильё, прописавшись к родителям в однушку, освоил профессию парикмахера-визажиста, отвалил кучу денег за бластное обучение и протезе. Стрижёт звезд ТВ и эстрады по пятьсот долларов за голову. Устроился, в общем. Но дочку любит и жену, видимо, тоже. Ну и приходит ко мне терзать старые болячки. Я и раньше пытался спасти его брак, но он ни за что не желал даже говорить с женой о том, что ей, возможно, не хватает в сексе. Он вообще такой насильственно разговорчивый, ебун вербальный, самозабвенный. Я с трудом могу слово вставить, когда он вещает. Причем вещает нудно, с кучей слов паразитов и интригующих оборотов типа: «И что ты думаешь, было дальше?» или «Шесть тыщ долларов зарплата у нелегала в Америке, это как, по-твоему, нет,

ну как, по-твоему, серьезно, это нефигово, а?» Зато от самовлюбленных дамочек он просто в восторге, они его, мол, слушают, не перебивая! Я не стал ему говорить, что они как раз, в отличие от его жены, вообще его не слушают, улыбаются своему отражению, и он не способен привлечь их нарциссическое внимание. Так мало того, что я отвлекаюсь на него и его проблемы, так теперь меня одолевают вопросами о гомосеках, ведь его клиенты на 99% такие. Ладно. Дальше я беседовал с соседом, дедушкой одним, о том, кто хуже, Сталин или Гитлер, Гимлер или Жуков, и о прочих вопросах фашизма черного и красного. Это ещё час. Потом с другом Колей спорили о политике Украины, о том, сколько детей должно быть и приемлем ли аборт в семье православного отставного ГАИшника, а то он чуть четвертого жене не подарил, о преступности, о его успехах в суде. Он накануне ТВ звездой стал с делом о похищении человека – сумасшедшего старичка учителя танцев, имеющего 4-х комнатную квартиру на Ленинском и убийстве матери потерпевшего, обманутого на две квартиры, чьи интересы он и представляет. Одного действующего следока и двух бывших ментов – участников банды уже год держат в тюрьме, а четвертый мент – главарь банды, в розыске. Дело на двадцать томов уже. Суды только начались, обвиняемые рисуют могилку и показывают ее втихаря Коле со своего зарешеченного места. В него и стреляли они же, троих старших следователей по этому делу отстранили и одного уволили из-за того, что те коррумпировались и не хотели возбуждать дело. Но Коля – танк, пока не дождёт, не остановится, тем более, когда на кону в качестве премии за его труды, потерпевший отдает ему 3-х комнатную квартиру на Таганке, собственником которой в настоящее время является один из участников банды, тот, что в розыске. Ладно. Вечерком еще несколько человек заходили с разными вопросами, от ремонта парогенератора в отопительной системе коттеджа, до совета по куни, которые я даю полусшепотом, при закрытых дверях, взяв клятву о неразглашении. Клятва действует плохо, поэтому приходится давать консультации от третьего лица, мною якобы случайно услышанные...

Брови писателя Кривобокова дёрнулись и поехали вверх.

– Ух, них себе! – подскочил на кровати Артамонов, первым заметивший это лицевое явление.

Он подсел к больному и стал разглядывать его лицо под разными углами. Занес было руку, потрогать, но передумал.

Писательские брови вернулись в исходное положение. Артамонов почесал за ухом и заговорил размеренным голосом сказочника, внимательно следя за реакцией испытуемого:

– Жили-были автослесарь – золотые руки и фантастика. И один другую очень любил. Волновали его космические корабли, летающие тарелки, другие планеты, нашествия пришельцев и полное ушествие здравого смысла. И запал в душу автослесаря рассказ про то, как земляне попали на планету, где их приняли за животных и посадили в клетку зоопарка, среди прочих по соседству с разных планет. Их корабль взорвался и сгорел в плотных слоях атмосферы, катапульта утонула в море, они выбрались вплавь на берег и никаких признаков цивилизации на себе не имели. И как бы они ни старались рукоделием и рисованием на полу доказать свою разумность, никак не получалось. И однажды к ним в клетку забежала мышь, они её отловили и, смастерив для неё клетку, стали подкармливать. Как только их питомца в клетке заметили зрители этого зоопарка, их тотчас выпустили и специальным устройством нашли общий язык с ними, принесли извинения и подали сигнал на землю, чтобы за ними прилетели свои. На вопрос как инопланетяне поняли, что земляне разумные существа, они сказали, что только разумное существо может пленить себе подобного или зверя. А всё остальное, то есть, плести корзины или гнёзда, что-то рисовать, складывать и раскладывать палочки, и т.п., могут и приматы.

Артамонов наклонился над неподвижным лицом слушателя и продолжил громче:

– Разные интересные мысли встречал автослесарь в фантастике. Как расщепился человек и одно его «Я» утратило память и считало себя жителем новой планеты, живя по их законам и

не веря в существование других цивилизаций, не умея телепортироваться, исцелять от болезней наложением рук и прочих вещей, которые к тому времени умели делать на его родной нашей планете. И лишь задумавшись, мысленно объясняя себе как ребенку, вдруг, сам не зная откуда, он начинал понимать способы сверх решений, и телепортировался, наконец, в самого себя. Второе его «Я», оставшееся в виде призрака, кропотливо вело его к этому воссоединению, от которого он отмахивался как от дурного сна. И воссоединившись, человек вспомнил тотчас, что знал, на какой риск идёт, изучая эту странную планету, знал, что может вот так расщепившись, остаться на ней навеки!

Реакция у слушателя отсутствовала. Артамонов даже поднёс пальцы к писательскому носу, проверить, дышит ли. Результат позволил продолжить:

– А бывали и трогательные до слёз рассказы. Про адаптов – жителей огромной планеты, на которой человека просто раздавливало притяжением, и вне своего шатла человек не мог пройти более пяти километров, потом терял сознание и сосуды лопались. И вот однажды разбился шатл где-то в горах и ожидалась песчаная буря. И адапты не хотели рисковать и идти на спасение пилота. У них не было полового разделения, они были гермафродитами и душой так же самодостаточны, и умом примитивны. Подумаешь, одним человеком меньше станет. Они друг к другу так же пофигистически относились. Вот и поржали над одним дуриком землянином, который пошёл за пятнадцать км от своей станции, в которой искусственно поддерживалось нормальное для землян притяжение, пешком за своим собратом, да ещё в песчаную бурю. И с великим удивлением и уважением они приветствовали его, вернувшегося с собратом на руках, истекающего кровью из лопнувших синяков, падающего через каждые два шага и поднимающегося вновь. Странные эти двое были, вроде как разные – тот, что спас собрата был выше ростом и шире в плечах, а тот, что на руках – худенький и с длинными волосами... Ёпти аж сейчас глаз мокрым становится! – Артамонов подтёр слезу краем писательской простыни. – Главное понял автослесарь золотые руки: фантасты двигают прогресс, и не только в техническом аспекте! – пафосно закончил он речь, сжав кулаком воздух, но, не расшевелив слушателя.

– Да... задача! – почесал затылок рассказчик. – А вот интересно, Зуль, есть узбекские фантасты? Существуют они вообще как явление?

– Да, да, – кивнула женщина. – Я много читала! Названия помню. У меня память хорошая. «Песни Дархана», «Оловджан-полководец», «Чудаки вокруг нас», ещё...

– Чудаки вокруг нас? Ахаха! – загоготал Артамонов. – Вообще я подозревал, что окружающий мир узбекам именно так представляется! Анекдот! Кстати, может нашему Владимиру Ильичу анекдоты рассказывать? Как думаешь, Зуль? Я их, честно говоря, не очень. Лучше они или хуже, но это ж всё придумано. А зачем придумывать, ежели сама жизнь чертовски интересная штука. Я без греха плагиата могу повторить за Высоцким Владимиром Семёновичем, что жизнь – лучшая в мире книга, где за каждой страницей чья-нибудь судьба. Знаешь, кто такой Высоцкий?

Зуля закивала.

– Это хорошо, – похвалил Санёк. – Так вот, он же писатель, Кривобоков наш, я имею в виду, ему понятно, что самое ценное это искренность. Даже если сюжет где-то поднатянут, чуток доработан фантазией, главное, как видит человек жизнь. Высоцкий видел жизнь честно и его песни – придуманные, но на основе настоящих фактов, от тех настоящих людей, с которыми он общался, потому так искренен его талант. Ведь человек, умеющий так доходчиво и верно доносить правду жизни до людей, сам по себе есть часть этой правды. Вроде вымысел, а не скажешь, что соврал. Я вот тоже, хоть рылом и не вышел в писатели, чувствую в себе что-то такое, купаюсь в живом мире людей и эмоций. Да и не мог бы я быть писателем, существовать в этом костюмно-галстучном гламура, быть почётным членом чего-то там, раскланиваться с общепризнанными светилами, которые, по сути, просто бездари. Да, они в отличие от меня пишут без грамматических, смысловых и речевых ошибок, имеют по три высших образования

и статусы, подтвержденные киваниями таких же прохиндеев. И где истинные таланты не имеют голоса. Художники вообще чаще всего отрешённые от жизни люди. Один рисовальщик насмешил меня тем, что глядя на мои мышцы, задумчиво так сказал сестре: «Чем вы его кормите? Он же, наверное, в день килограмма три мяса съедает!» Как про большую собаку. Мне кажется, художник даже от вида обнажённой женщины не возбудится, будет любоваться на её формы высоко эстетичным образом. От их мира пахнет музейной пылью, веет космическим холодом. Если закрыть глаза в зале с дюжиной художников, то чётко ощутишь, что зал пуст. Вот в тренажерном зале наоборот, даже от пары спортсменов покажется, что их в пять раз больше!

Зуля одобрительно заулыбалась. Кривобоков тоже, казалось, слушал, затаив дыхание. Рассказчика понесло.

– Ох, я как-то картину наблюдал в тренажерке, чуть не умер! Один чудик, тощий как кенийский бегун, никак не мог собрать себе гантелю три кг. Одну собрал, а другую не мог, блинчики по полтора кг не так уж часто валяются под рукой. У стенки огромный Кинг-Конг жал ногами кверху платформу на тренажере, ноги у него – девяносто см точно в объёме, веса полтонны – всё, что было на станке, не первый подход, еле жмёт уже, ноги фиолетовые, вены вылезли, галифе трясутся мелкой дрожью. А доходяга, наконец, узрел свой оладушек для гантели – как раз за этот тренажёр закатился. Видимо, он в математике силен был, потому что полез по кратчайшему пути. Непринужденно опёршись о трясущиеся ноги Кинг-Конга, нырнул меж них и стал тянуться за блинчиком, ещё и под носом успел шваркнуть пальцем. Блинчик далековато лежит, он сильнее опирается о трясущуюся в статике ногу, дальше тянется, не спешит – видимо, принял Кинг-Конга за какой-то механизм. Я замер, чувствуя, как ржач раздувает меня с дикой силой, какой там подход к чертям собачим, чую, сейчас разорвет легкие смехом. Кинг-Конг уже не то что побагровел, цвета побежалости пошли по лицу, потом распахнулся рот, выкатились наружу глаза, а потом одновременно с воплем: «На хер свали!» схватил ручищей дрища за штаны и с треском рвущейся ткани и лопающейся резинки выдернул его из «гильотины», которую уже еле сдерживал. Ладно, смех меня чуть не разорвал, я потом еще прорыдался, глядя, как дрищ одной рукой держит штаны, а другой блинчик, который достал-таки, рискуя жизнью – ай молодец! Больше я в ту качалку не ходил, к таким отягощениям смехом оказался не готов!

Зуля захихикала, мелко тряся ладошкой возле рта.

Артамонов, довольный тем, что рассмешил хоть одну несмеяну, проверил основного слушателя. Лицо писателя напоминало посмертную маску гения, не дотянувшего до известности.

– Веселимся? – влетел в палату доктор.

– Так точно! – подскочил Артамонов.

– А этот как? – Сергей Николаевич наклонился над больным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.